

Феликс Кохрихт

БЫТЬ или слыть?

Заметки после премьеры спектакля «Гамлет» в одесском ТЮЗе

Вопрос, который уже четыре с лишним столетия задает себе и нам герой пьесы Вильяма Шекспира, разумеется, звучит иначе: «Быть или не быть?». Казалось бы, проблема относится к тем, которые принято называть вечными. И это так, если рассуждать о высоком в академическом кругу... Но за прошедшее время многое переменилось и, рискну предположить, что в последние десятилетия в обыденном сознании он звучит иначе: «Быть или слыть?», «Быть или казаться?», «Быть или иметь?».

Вторая концептуальная фраза – инвектива Гамлета: «Прервалась связь времен». В XVII столетии Шекспир устами своего героя

грустит о том, как изменились приоритеты с XII века, когда появилась первая версия истории о принце датском Амлете, превращенная Шекспиром в великое произведение мировой литературы. Драматург, живший в Англии королевы Елизаветы, сокрушался по поводу падения нравов в семье и обществе...

В наше время главного героя играли как романтического идеалиста, жившего вдали от двора и штудировавшего науки в зарубежном университете, может быть, и представлявшего себя в будущем королем, но больше думавшего о возвышенном, чем о земном. Страстный и мятущийся сирота – мститель просыпается в нем в результате трагических потрясений.

Классический Гамлет взывает правды вовсе не в борьбе за корону, а желая отомстить негодню, убившему отца и совершившему мать, а также пытаясь понять, кто же он. Тут можно вспомнить Достоевского, но это – тема иного разговора.

Такого Гамлета играли столетиями великие, хорошие и всякие актеры. Мое поколение помнит Самойлова и Марцевича, Козакова и Рецпетера,

разумеется, и Высоцкого, но это был скорее московский бунтарь Владимир, чем принц датский... И все же Гамлетом для нас был и для многих остается Смоктуновский в фильме Козинцева.

Знаменательно, что и другой культовый режиссер – Рязанов – видел в своем благородном угонщике автомобилей не отважного разбойника Робина Гуда, а тишайшего служащего Деточкина – опять же в исполнении Смоктуновского. Сцена его дуэли с персонажем Ефремова, повторяющая финал шекспировской трагедии, – блестящая аллюзия и находка.

Вспомним, за что боролись герои трагедий Шекспира, принадлежавшие к сильным мира сего – к династиям и кланам. В отличие от романтических Отелло и Ромео – не за любовь, а за власть. И Ричард III, и Макбет, и Цезарь, и, разумеется, коварный

дядя принца братоубийца Гамлет-2 предлагали (образно говоря) полцарства за коня, который привез бы их к трону, а уж потом добивались, как поется в старой пиратской песне, и женщин, и вина.

Вернусь к тезису о смене вех и приоритетов в общественном и индивидуальном сознании произошедшей с человечеством, с нами за последнее время. Общество потребления в глобализованном мире – это корявое сочетание слов по крайней мере поможет мне определить среду, в которой живет Гамлет XXI века, а именно он и есть герой спектакля, недавно поставленного Светланой Свирко в нашем ТЮЗе. Это уже третья масштабная работа главного режиссера в театре, хотя и со славной историей, но ранее, по крайней мере на моей памяти, не решавшего столь сложных задач. И главная из них – суметь сделать классику если не совсем уж понятной, то притягательной и интересной для самого трудного контингента своих зрителей – старшеклассников и студентов.

Я уже писал о том, что, увидев у театра в вечер премьеры большое количество юношей и девушек, мы несколько приуныли: на нашей памяти были и смешки, и громкие реплики, и пустею-

щие залы в ТюЗах и не только. На коллективных посещениях спектаклей по классической драматургии молодые зрители зачастую чувствуют себя чужими, и ими овладевает досада. Тем более если на сцене «Гамлет» с его запутанной интригой, резонирующим героем, высокопарными монологами и рискованными любовными коллизиями...

Две пары: новоиспеченный король-братоубийца и потерявшая голову от греховной страсти королева-вдова, вогнавший себя в невроз мести принц и девушка, раздираемая естественным желанием быть любимой и отчаянием оттого, что слова и мысли суженого волнующи, темны, невнятны. Их любовные дуэты – полные как откровенной страсти, так и сдержанной, но прорывающейся чувственности, – вызывают у молодой аудитории и любопытство, и смущение, и желание произвести впечатление на противоположный – прелестный или сильный пол...

Нелегко приходится актерам ТюЗа в этих, да и не только сценах. «Гамлет» – история, в общем-то, жестокая, даже brutальная: кровь, похоть, инцест, измены, подлые убийства, призраки, непо-

гребенные останки, яды, удары из-за угла... Практически все основные персонажи погибают... На моей памяти все эти ужасы, естественные для стилистики и эстетики площадного театра, каковым и был шекспировский «Глобус», на отечественных, да и на многих зарубежных сценах микшировались. Тот же Смоктуновский выглядел безупречным – недостижимым примером для подражания. Но если лет 30 назад такой герой еще мог увлечь юных зрителей, воспитанных на лучших образцах мировой и отечественной классики, то нынче тренд (вот и термин) сменился.

До прихода в ТЮЗ на спектакль «Гамлет» по пьесе Шекспира нынешние молодые люди повидали много всякого и разного – и в Интернете, и в кинотеатрах с 3D, и в личной жизни... И гениальная музыка Шостаковича к одноименному фильму их не увлечет, и актер в костюме а-ля принц датский вызовет скуку...

Светлана Свирко и художник-постановщик Дарья Мухина (Санкт-Петербург) создали на сцене нашего театра ситуацию, которая смогла привлечь не формальное, а заинтересованное внимание молодых зри-

телей. Признаюсь: в этот вечер великая, но и виденная столько раз театральная история предстала как бы заново перед автором этих строк и его сверстниками, с которыми мы делились впечатлениями от премьеры. Создатели спектакля если и адаптировали текст трагедии, то незначительно: они не превратили пьесу в дайджест или комикс. Они осовременили ее. Скажут: подумаешь, новаторы – полвека назад героев «Ромео и Джульетты» успешно переселили из Вероны эпохи Возрождения в бандитские кварталы Вест-Сайда...

Но ведь в одесском спектакле действие, как и у Шекспира, происходит не в современном Копенгагене, а в средневековом замке Эльсинор, декорации и костюмы пусть в какой-то мере и условны, но соответствуют историческому месту и времени действия пьесы. Лишь главный герой и его смертельный враг Лаэрт (в нашем спектакле – Сергей Фролов и Алексей Кочетов) выглядят, как парни из нашего класса, из параллельной группы или соседнего дома. Они уже во втором акте стали понятны и интересны ребятам, сидящим в зрительном зале впереди и позади нас. Принц и брат несчастной Офелии хотя и говорили так, как не говорят нынче, но при этом их повадки, мимика, пластика не казались чужими. Им сочувствовали, за них переживали...

Понимаю, что в пересказе чудо перевоплощения звучит банально и упрощенно, но пойдите на этот спектакль и убедитесь сами.

Каким образом Светлана Свирко и ее команда достигли такого эффекта... Пожалуй, главный компонент удачи состоит в том, что и труппа, и постановочная часть, и цеха, и администрация

показали готовность и возможность решения столь сложных творческих и производственных задач в непростых условиях, в которых работает театр.

Важную роль в режиссерской концепции спектакля играют музыка, отобранная в арсенале и тяжелого рока, и рэпа, а также футболки с принтами (на гамлетовской – корона, до которой он так и не доживет). Одной из центральных фигур стал придуманный персонаж – Шут, ставший вторым «Я» Гамлета. Этот резонер транслирует в зал английские реплики, понятные скорее студентам, чем мне, учившему немецкий.

Раз уж мы заговорили об английском оригинале пьесы Шекспира, то напомним, что читаем текст и воспринимаем его со сцены в переводе Бориса Пастернака. Образ Гамлета представлял для него особый интерес. Судьбоносный роман «Доктор Живаго» завершается подборкой стихов, написанных героем произведения, выражающим заветные чувства и мысли автора. И первым перед нами предстает «Гамлет» – монолог актера, играющего эту роль:

Гул затих. Я вышел на подмости.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далеком отголоске
Что случится на моем веку...

...Быть или не быть, вот в чем вопрос. Достойно ль
Смиряться пред ударами судьбы,
Иль надо оказать сопротивление
И в смертной схватке с целым морем бед
Покончить с ними? Умереть. Забыться.
И знать, что этим обрываешь цепь...

Знатоки литературы сразу обнаружат, что я рискнул и объединить строки Шекспира и Пастернака в один текст...

Совпала связь времен...

Фото Сергея Гевелюка